

К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ КРЫМА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ. И ПЕРВОЙ ВОЛНЕ КРЫМСКО-ТАТАРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Денис Валериевич Конкин

Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
denis_konkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6966-9963>

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы статистического учета крымского населения накануне и в первые десятилетия после присоединения Крыма к Российской империи. Данные проблемы имеют особую важность в связи с историографическими интерпретациями эмиграционного движения крымских татар. Подробно разобраны работы А. Озенбашлы – одного из самых цитируемых авторов в западной и турецкой исторической литературе. Показаны ошибки в его миллионных расчетах населения Крыма в указанный период. Схожий разбор предпринят в отношении современной статьи Н. С. Сейтягъева, предложившего новое обоснование к завышенным оценкам населения полуострова. Кроме того, обращено внимание на фактические и логические ошибки и несоответствия в работах первых публикаторов «Камерального описания Крыма» – А. А. Скальковского, Ф. Ф. Лашкова, а также ведомости 1793 г., опубликованной П. С. Палласом, что во многом стало причиной последующих искажений статистических данных о жителях полуострова в историографии.

Сделан вывод о позитивной динамике роста татарского населения Крыма после присоединения к Российской империи. Согласно данным О. А. Игельстрома, в 1783 г. в Крыму проживало около 115 000 чел., главным образом, крымских татар. К 1795 г. количество жителей составило уже 156,4 тыс. чел. (из них 137 тыс. крымских татар). В самом начале XIX в. крымских татар, по разным оценкам, насчитывалось от 70 до 95 тыс. мужского пола, т.е. при минимальном значении – около 130–140 тыс. чел. обоого пола. К 1816 г. это количество увеличилось до 182,7 тыс., а в 1850 г. достигло 267,4 тыс. чел. В связи с чем, утверждение о глобальной эмиграции татарского населения из Крыма в первые десятилетия российского правления не верно. Даже 80 000 мигрантов не могли незаметно и неучтенно покинуть полуостров после 1783 г. Основной эмиграционный поток конца XVIII века следует относить к дороссийскому периоду истории Крыма, когда внутренние междуусобицы в Крымском ханстве, спровоцированные российско-турецким соперничеством в регионе, вынуждали местное население массово покидать полуостров.

Ключевые слова: Российская империя, Крымское ханство, население Крыма, крымские татары, статистика, эмиграция, «Камеральное описание Крыма»

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

ON THE PROBLEM OF THE POPULATION OF THE CRIMEA IN THE LATE EIGHTEENTH AND EARLY NINETEENTH CENTURIES AND THE FIRST WAVE OF THE CRIMEAN TATAR EMIGRATION

Denis V. Konkin

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
denis_konkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6966-9963>

Abstract. This article addresses disputable questions of statistics of the Crimean population on the eve and in the first decades after the annexation of the Crimea by the Russian Empire. These problems are of particular importance in connection with historiographical interpretations of the Crimean Tatar emigrations. The works of A. Ozenbashly, which are the most referred to in Western and Turkish historical scholarship, have been analysed in detail. The errors of his “million-strong” calculations of the population of the Crimea in this period have been uncovered. A similar analysis has been undertaken in case of modern article by N. S. Seitiag’iaev, who proposed a new argument for the over-estimated evaluation of the peninsula’s population. Moreover, we have also paid attention to the factual and logical mistakes and inconsistencies in the works of the first publishers of the *Cameralistic Description of the Crimea* A. A. Skal’kovskii and F. F. Lashkov, and in the 1793 account published by P. S. Pallas; these sources later became an important reason for misinterpretations of the demographic statistics of the Crimea in the scholarship. The conclusion uncovers the growth of the Tatar population in the Crimea after its incorporation into the Russian Empire. According to O. A. Igelstrom, in 1783 there were approximately 115,000 people, mostly Crimean Tatars, living in the Crimea. By 1795, the Crimean population was 156,400 (including 137,000 Crimean Tatars). In the very early nineteenth century, there were from 70,000 to 95,000 male Crimean Tatars according to different estimations, i. e. the minimal number was 130,000–140,000 both sexes. By 1816, this number increased to 182,700, and in 1850 it reached 267,400. Therefore, the conclusion of the global emigration of the Tatar population from the Crimea during the first decades of the Russian rule is not correct. Even 80,000 migrants could not leave the peninsula unnoticed and unrecorded after 1783. The main emigration flow of the late eighteenth century should be related to the pre-Russian period of the Crimean history, when internal struggle in the Crimean Khanate provoked by the Russian-Ottoman rivalry forced a great part of the local population to leave the peninsula.

Keywords: Russian Empire, Crimean Khanate, Crimean population, Crimean Tatars, statistics, emigration, *Cameralistic Description of the Crimea*

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076 “The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period.”

Весь начальный период нахождения Крыма в составе Российской империи характеризуется специалистами как очень сложный для качественного и точного учета местного населения в связи с комплексом самых разных причин: от несовершенства методики сбора информации до административных преобразований в Новороссийском крае, не позволивших корректно сравнивать результаты с общей крымской базой [4, с. 195–197; 18, с. 158–159; 2, с. 75–85; 10, с. 276]. Еще более проблемным хронологическим отрезком с точки зрения демографической статистики является завершающий этап существования Крымского ханства (конец 60-х – начало 80-х гг. XVIII в.), когда в связи с внешне- и внутривосточными обстоятельствами резко возросла миграционная динамика населения. При этом какие-либо документальные свидетельства с данными о переписи татарского населения Крыма, учете налогоплательщиков и т.п. официальных мероприятий за этот период отсутствуют. Поэтому специалистам приходилось и приходится пользоваться косвенной информацией,

полными домыслов непроверенными свидетельствами современников, к которым присоединялись порой весьма смелые допущения самих исследователей вопроса. Неудивительно, что в итоговых оценках численный разлет достигает порядковых значений.

Историографические замечания. Ярким примером такой ситуации может служить ряд рассуждений крымско-татарского историка, общественного и политического деятеля 20-х гг. XX в. Амета Озенбашлы. В опубликованной им в 1926 г. в журнале «Крым» небольшой статье «Роль царского правительства в эмиграции крымских татар» утверждалось, что по данным бывшего французского консула в Крыму барона Ф. де Тотта в 70-е гг. XVIII в. «население Крымского ханства составляло три миллиона 200 тысяч», но и это были неточные сведения, и нужно говорить о четырех миллионах жителей, проживавших в Крымском ханстве за 7 лет до присоединения к Российской империи [22, с. 143–144]. Более того, в вышедшем в том же году обширном историческом эссе «Трагедия Крыма при царизме» [48] А. Озенбашлы, по-прежнему опираясь на сообщения французского консула, утверждал уже, что население Крыма могло достигать «пяти миллионов человек» [23, с. 124]. Если внимательно разобраться в источниках данного пассажа, то приведенные в нем сведения не выдерживают критики.

Во-первых, де Тотт был процитирован А. Озенбашлы в вольном переводе студента А. Татарчевского, опубликованном в киевских «Университетских известиях» за 1873 г. [32]. Но в этом переводе, а точнее пересказе, равно как и в оригинале, никаких сведений о трех с лишним миллионах жителей Крымского ханства не имеется, а лишь оговорено, что для формирования 200-тысячной армии хану Крым-Гирею понадобилось мобилизовать по два всадника из каждых восьми семейств, проживавших в Крымском ханстве. Все дальнейшие вычисления и допущения принадлежат самому А. Озенбашлы, но в тексте статьи эти данные закавычены и таким образом создается впечатление, что цитата приведена из первоисточника – переведенной А. Татарчевским работы де Тотта [22, с. 143–144; ср.: 32, с. 19].

Во-вторых, если сравнить перевод А. Татарчевского с оригиналом, то выявятся дополнительные неточности, которые идут в разрез с вычислениями А. Озенбашлы. Крымско-татарский историк свою цифру получил, опираясь на опубликованные А. Татарчевским данные о призыве **двух** всадников из 8 семейств (т.е. по одному на каждые четыре семьи), а значит для формирования 200-тысячного войска, с учетом допущения, что усредненная численность семьи в Крымском ханстве составляла 4 человека, понадобилось бы 3 млн. 200 тыс. жителей. Но во французском издании де Тотта несколько иные сведения. В нем говорится о призыве **трех** всадников из каждых восьми семей [53, р. 197], что уже более чем на миллион сокращает население Крымского ханства, если следовать логике подсчета А. Озенбашлы и верить данным де Тотта.

В-третьих, как известно, набрать 200-тысячное войско Крым-Гирею так и не удалось [см.: 25, с. 134, прим. ***, 26, с. 57], что лишь подтверждает мнение, что к

подсчетам населения Крымского ханства на основе данных армейской статистики следует относиться с осторожностью. Необходимо помнить как об условности количественных оценок состава войск в источниках, так и об отсутствии единого подхода в мобилизационных принципах в ханстве, зависящих от ряда обстоятельств в определенный исторический момент. Об этом убедительно размышляет в своей книге А. А. Шейхумеров, который мобилизационные возможности Крыма в XVIII в. оценивает в размере не превышавшем 20 000 всадников [37, с. 76], а общее количество крымскотатарского войска едва ли достигало 30 тыс. человек [37, с. 85]. Ногайский компонент мог составлять еще порядка 30 000 всадников [37, с. 103–110].

Наконец, в-четвертых, сами по себе воспоминания де Тотта весьма противоречивый источник, наполненный вымыслами и неточностями. О чем красноречиво высказался еще современник событий и коллега по должности французского консула в Крыму Шарль де Пейсонель, опубликовавший в 1785 г. обширный комментарий с указанием на фактические ошибки де Тотта [52; см. также лондонское издание 1786 г. с примечаниями Пейссонеля и критикой Ж. Малле дю Пана в предисловии: 54, pp. v–xiv]. Следует также указать на беспощадную характеристику, выданную де Тотту и его произведению, классиком отечественной османистики В. Д. Смирновым [30, с. 106–107].

Необходимо заметить, что смелые выводы А. Озенбашлы нашли свою долю аргументированной критики еще до начала политических преследований автора. В 1927 г. в том же журнале «Крым» вышла небольшая заметка проживавшего в Симферополе известного революционера, статистика Б. П. Вологодина, в которой резонно указывалось, что в условиях малопроизводительного земледелия, отсутствия индустриализации и минимальной урбанизации на площади, которую занимал Крымский полуостров, просто физически не могло бы выжить население в количестве, превышавшем миллионные показатели. Плотность населения в Крыму в таком варианте должна была бы соответствовать плотности населения Японии или Италии и превосходить показатели Пруссии и Франции [3, с. 104–105]. Небезлюбопытно, что еще до появления новомодного метода Шмоллера, на который опирался в своих критических рассуждениях Б. П. Вологодин, схожим образом аргументировал ошибочность оценки населения Крыма в количестве 2–3 млн. чел. французский путешественник Поль Гибаль, побывавший в Крыму в 1818 г. В частности, он объяснял: «Если учесть, что большая часть степи оставалась невозделанной, что на покрытых лесом горах земледелие было чрезвычайно ограничено, что татары в этой важной отрасли сельского хозяйства были более несведущи, чем самые отсталые народы Европы, если, вдобавок, вспомнить, что земли полуострова по своему плодородию можно сравнить с самыми неблагоприятными территориями, то без труда придешь к выводу, что Крым не смог бы прокормить население в два миллиона человек, что составляет, примерно, 1 332 человека на один кв. лье во Франции... Иначе говоря, эта цифра составит на 1/3 больше среднего населения Франции» [5, с. 63].

Тем не менее, интерпретация сведений де Тотта, произведенная А. Озенбашлы, и дальнейшая, основанная на ошибочном посыле, оценка количественного показа-

теля жителей Крымского ханства, получили широкое распространение в историографии. И размышления о миллионных значениях населения Крыма обрели популярность у исследователей. В этом смысле показательна недавняя публикация Н. С. Сейтягъева в академическом профильном востоковедческом журнале «Східний Світ» (Украина) [26], где автор попытался обобщить данные о населении Крымского ханства в конце XVIII в. Среди прочего, в статье предлагается по-новому взглянуть на количественные принципы подсчета населения, проведенные бароном О. А. Игельстромом сразу после присоединения Крыма к Российской империи. В частности, считать, что российский чиновник, боевой генерал статистические сведения, собранные с помощью русских военных чинов, решил обобщить для отчета вышестоящему начальству (Г. А. Потемкину) с учетом традиций, сформированных в инклюзивной исламской среде. То есть производить подсчет проживавших в крымском доме (дворе) жителей мужского пола, исходя не из укоренившихся в России с петровских времен принципов сбора данных о налогооблагаемом населении, согласно которым податному учету подлежали все участники мужского пола нуклеарной семьи (вне зависимости от возраста, от мала до велика [8, с. 41]), а в соответствии с особой крымской традицией, в силу которой необходимо было учитывать региональную специфику «расширенной» исламской семьи, включавшей в себя сразу несколько поколений – «отцовской семьи и двух семей её взрослых наследников» [26, с. 58]. Это решение, по мнению Н. С. Сейтягъева, могло быть принято российским генералом по совету кого-либо из бывших чиновников ханской администрации. В связи с чем, число жителей мужского пола, проживавших в домах/дворах, нужно было исчислять не тремя представителями, как об этом прямо сказано в «Камеральном описании»: «по три души жительствоющих мужского пола» [16, № 7, с. 27; 15, с. 102], а минимум пятью. Таким образом, данные Игельстрома о количестве мужского населения Крыма в 1783 г. – это данные о количестве семей, которые состояли из 3–4 человек. А значит именно на эти значения необходимо умножать собранные Игельстромом итоговые показания, чтобы получить подлинную информацию о населении. Всего, по мнению Н. С. Сейтягъева, в 1783 г. в Крымском ханстве проживало 356,5–475,4 тыс. крымских татар и ногайцев обоего пола [26, с. 57–59].

Данное допущение выглядит спорным по многим позициям. Например, с учетом тех обстоятельств, что иудейское население было посчитано в прямом соответствии с упомянутыми в ведомостях принципами – «по три души мужеска полу» в доме [16, № 7, с. 26], и полученный результат не вызвал нареканий у многочисленных специалистов. А для части «ногайских киргисцев», проживавших в Крыму, Игельстром даже снизил порог численности мужского населения в семье до двух участников [16, № 8, с. 13], хотя они также представляли мусульманский анклав. В связи с чем, предполагаемая Н. С. Сейтягъевым инклюзивная позиция русского генерала в отношении сбора статистических сведений, предусмотренная специально для татарского населения Крыма, видится излишне толерантной для XVIII века.

Тем более, что все последующие переписи проводились на полуострове совершенно точно по обкатанной в России десятилетиями схеме ревизских сказок, то есть первоочередного учета мужского населения всех возрастов, без дополнительных объяснений, что полученные данные означают только взрослое поколение в составе «расширенной» семьи.

Подтверждая корректность «миллионных» оценок жителей Крыма и Крымского ханства в целом, Н. С. Сейтягъев использовал среди прочего утверждение англичанина У. Итона, посетившего Крым накануне его присоединения, о 100-тысячном населении полуострова в 1781 г. Эту информацию исследователь также предлагает считать сведениями о «взрослом» населении, которые нужно умножить на «соответствующий коэффициент 3–4 человека на семью» [26, с. 67]. Полученная в результате цифра в 300–400 тыс. жителей, по его мнению, согласуется с данными Тунманна и соответствует населению Крыма, оставшемуся на полуострове после первой эмиграционной волны 1777 г., в результате которой с территории ханства переселилось более миллиона человек («600–800 тысяч крымских татар и 360–480 тысяч ногайцев») [26, с. 67]. Именно это количество оставшихся в Крыму жителей (300–400 тыс. человек), считает Н. С. Сейтягъев, зафиксировал Игельстром в «Камеральном описании» 1783 г., и в скором времени указанное число еще раз радикально уменьшилось в результате очередной эмиграционной волны 1783–1787 гг. [26, с. 66–67].

В доказательство правоты своей версии такой же коэффициент (3–4 человека на семью) применяется Н. С. Сейтягъевым и к данным Итона о населении Кубани. При этом следует подчеркнуть, что автор цитирует англичанина, используя некорректный перевод В. М. Калашникова, в котором количество ногайцев, проживавших на Кубани, определено в 60 000 человек [13, с. 123; об ошибках перевода см.: 35, с. 40]. Именно это число, в соответствии с изложенной выше логикой, исследователь предлагает умножить на 3 или 4. Полученные в результате данные о ногайском населении (180–240 тыс. человек), также, по его мнению, в целом совпадают с информацией Тунманна о 70 тыс. семей в составе четырех орд (210–280 тыс. чел. по подсчетам Н. С. Сейтягъева) [33, с. 49; 26, с. 65 (табл. 1), 66–67]. Но, к сожалению, предложенные подсчеты в таком виде не работают, так как присутствует ключевая неточность в переводе Итона В. М. Калашниковым. В оригинале произведения [39, р. 319; 35, с. 577] число жителей на Кубани (о том, что это были именно ногайцы, нигде не сказано) названо в размере 600 000 человек (в переводе же В. М. Калашникова «шестьдесят тысяч ногайцев» [13, с. 123]). При умножении данного количества на предложенный Н. С. Сейтягъевым коэффициент (3–4), получаем совсем уж фантастическую цифру условных ногайцев, кочевавших на Кубани в 1781 г., в составе около 2 млн. человек.

Указанные несоответствия лишний раз заставляют сомневаться в оправданности предложенного Н. С. Сейтягъевым способа подсчета населения, использования коэффициента «расширенной» семьи при учете данных, полученных из сообщений

путешественников, местных обывателей, а тем более применительно к российским статистическим сведениям, имевшим уже устоявшуюся традицию сбора информации о населении и соответствующую форму отчетности.

«*Камеральное описание Крыма*» **О. А. Игельстрома**. Первой попыткой сбора статистической информации о Крыме, предпринятой российской властью, можно считать подготовленный в течение 1783–1784 гг. бароном О. А. Игельстромом по требованию Г. А. Потемкина общий регистр сведений «о состоянии Крымского полуострова» (т.н. «Камеральное описание Крыма»). Данный документ кардинальным образом отличался от всех предыдущих источников рассматриваемого периода, поскольку базировался на фактических данных с объяснением методики полученного результата. Информация об административном устройстве, экономике, населении собиралась военными чинами не формально из непроверенных источников, а поступала непосредственно от хорошо осведомленных каймаканов (региональные крымские чиновники периода ханства и первых месяцев российского подчинения). Поэтому при всех недостатках и неточностях «Камеральное описание» дает возможность наиболее корректно оценить демографическую ситуацию на полуострове сразу после его присоединения к Российской империи и является той точкой отсчета, после которой можно с высокой степенью достоверности проследить общую динамику количественного и качественного состава населения в первые десятилетия российского правления в Крыму.

Развернутые данные из регистра Игельстрома публиковались несколько раз. Впервые А. А. Скальковским в «Журнале министерства народного просвещения» за 1841 год [28], затем еще раз в «Памятной книге Таврической губернии 1867 г.» [29]. Часть документов, касавшихся статистических данных о жителях полуострова, административного устройства, количества населенных пунктов, культовых построек и жилищ, была в 1886 г. издана Ф. Ф. Лашковым в 14-м номере ЗООИД [15]. После чего в серии публикаций в ИТУАК источник уже в полном объеме был введен в научный оборот [16]. Следует отметить, что исследователи использовали разные документы, возможно, копии. А. А. Скальковский свой экземпляр приобрел в результате археографической экспедиции, совершенной в 1839 г. [29, с. 6–7], Ф. Ф. Лашков же работал с документами, сохранившимися в архиве губернского правления [16, № 2, с. 22]. Таким образом, «Камеральное описание Крыма» – хорошо известный опубликованный источник, который стал широко использоваться в исследовательской литературе. Но следует отметить, что отчасти из-за невнимательности, отчасти из-за собственных некорректных допущений, как издателей источника, так и последующих научных пользователей, порой возникали досадные неточности в подсчетах населения Крыма, производимых на основе «Камерального описания», в конечном итоге приводившие к фактическим искажениям.

Подробно изучив документ, можно понять, что точные сведения о числе дворов в крымских деревнях поступили к Игельстрому только от бахчисарайского и перекопского каймаканов. Вычислив, что в среднем в этих округах на одну деревню

приходится от 9 до 10 дворов, и зная количество деревень в других каймаканствах (Акмечетском, Козловском, Карасубазарском), Игельстром сделал допущение, что и в этих деревнях усредненное количество дворов не превышало десяти [16, № 6, с. 39], а в Кефинском каймаканстве и в одном кадалыке Карасубазарского, по уточненным данным – от 8 до 9 дворов [16, № 7, с. 41]. Всего Игельстром зафиксировал в бывших крымских владениях хана семь городов (шесть – по числу одноименных каймаканств: Бахчисарай, Ак-Мечеть, Карасубазар, Козлов (Гёзлёв), Перекоп (Ор-капу) и Кафа, а также Балаклава, согласно данным у А. А. Скальковского [29, с. 12]) и 1474 обитаемые татарские деревни [16, № 7, с. 41; 15, с. 116; 29, с. 12]. «Примерное число» заселенных крымскими татарами домов в городах составило 2739 [16, № 7, с. 26; 15, с. 104] и 14 323 дома/двора в деревнях [29, с. 10; 18, с. 159]¹. Далее, уже исходя из этого приблизительного количества, составители «Камерального описания» посчитали, что на каждый двор приходится «примерно по три души жительствоющих мужеска полу» [16, № 6, с. 39]. Таким образом, приблизительное количество проживавших на полуострове в деревнях крымских татар мужского пола составило, по подсчетам Игельстрома, **42 969** чел. [18, с. 159]. В городах, в соответствии с теми же принципами подсчета, оставалось **8 217** татар мужского пола (ведомость под лит. Б: [16, № 7, с. 25–26; 15, с. 103–104]), к этому числу было добавлено **198** неучтенных татар, проживавших в форштате Кафы [16, № 7, с. 42; 15, с. 117]. В бывших христианских деревнях, часть домов в которых были проданы татарам, согласно особой ведомости, проживало **3 126** крымских татар² [16, № 6, с. 39; № 7, с. 26–32; 15, с. 105–110]. Последними были получены сведения о ногайцах («киргисцах»), проживавших в Крыму, но имевших «подвижные аулы» в степях за перекопской линией. Таких было насчитано **426** чел. [16, № 8, с. 12–13]. В итоговой ведомости Игельстрома от 10 февраля 1784 г., в которой суммировались все основные и дополнительные данные о населении Крыма, значилось всего **54 936 татар мужского пола** (с учетом 1407 «евреев» – 56 343 чел.) [16, № 8, с. 13]. Это последнее и самое полное количество татарского населения, встречающееся в документах «Камерального описания», опубликованных Ф. Ф. Лашковым. У А. А. Скальковского также указано данное количество татар [29, с. 13], но без учета 426 «киргизов», что, по-видимому, является ошибкой, поскольку, как было показано выше, приведенная цифра уже включала в себя «киргизское» население. Таким образом, у А. А. Скальковского «киргизы» посчитаны дважды.

Следует упомянуть еще один источник, где с большой долей вероятности использованы данные о населении Крыма из «Камерального описания». Это опубликованные А. В. Чудиновым «Заметки о нынешнем состоянии Крыма», составленные в 1786 г., которые, по предположению публикатора, являлись «коллективным творчеством» К. И. Габлица, Ж. Ромма и французского полудипломата-полушпиона

¹ У А. А. Скальковского на с. 12 приведено также общее количество домов в городах и деревнях Крыма (16 660), но без учета заселенности этих строений [29, с. 12].

² У А. И. Маркевича ошибочно указано, что это оставшееся христианское население [19, с. 378].

Ж. А. Шаретта де ла Колиньера [36, с. 218]. В конце «Заметки» были снабжены таблицей «Населения Таврической губернии» («Etat de la population de gouvernement de la Tauride»), согласно которой всего в регионе значилось 51 649 чел. мужского пола, из них крымских татар – 40 176 чел. [36, с. 231, 241].

Общее количество татарского населения в Крыму с учетом обоих полов в опубликованном оригинале «Камерального описания» не указано ни разу. Однако в поздней публикации Ф. Ф. Лашкова со ссылкой на ведомости Игельстрома сказано, что всего в Крыму проживало 115 034 жителей [18, с. 159]. С этим количеством, в целом, можно согласиться, но сами вычисления, проведенные Ф. Ф. Лашковым, выглядят довольно странно. Сначала было суммировано общее число мужского населения, зафиксированное в опубликованных документах Игельстрома, которое в итоге дает упомянутое в ведомости под № 35 количество татарского и иудейского населения в 55 917 чел. (еще без 426-ти «киргизцев») [16, № 7, с. 42]. А далее Ф. Ф. Лашков утверждал, что Игельстром в своих подсчетах населения Крыма к полученной сумме прибавил «55 917 ногайцев, занимавших Перекопские степи, и 3200 цыган» и получил «115034 жителей в 1783 году» [18, с. 159]. Таким образом, ногайцев оказалось ровно такое же количество, как и татарского и иудейского мужского населения – 55 917 чел. Что вызывает обоснованные сомнения в корректности использованных данных. Тем более, что в опубликованных ведомостях Игельстрома о такой численности ногайцев, проживавших в северном Крыму, ничего не сказано, а присутствуют только вышеупомянутые сведения о «киргизских» ногайцах в количестве 426 человек мужского пола. Впрочем, и сам Ф. Ф. Лашков ниже по тексту добавлял, что подсчитанное им итоговое число крымских жителей «имеет лишь проблематическое значение и не может быть принято на веру» [там же].

Авторитетный современник Ф. Ф. Лашкова А. И. Маркевич эти сомнительные цифры некритично использовал в своей публикации в «Известиях Академии наук СССР» от 1928 г., где среди прочего данные о ногайцах стал почему-то считать рассчитанными для обоих полов [19, с. 378]. При этом сослался не на позднюю и содержащую ошибки работу Ф. Ф. Лашкова, а в целом на опубликованный в ИТУАК источник – ведомости Игельстрома, где отсутствуют какие-либо подсчеты общего с учетом женщин количества крымского населения, равно как и нет информации о 55 917 ногайцах, кочевавших в 1783 г. в перекопской степи.

А. А. Скальковский, который, напомним, первым опубликовал статистические данные из «Камерального описания», на основании данного документа насчитал в Крыму до 140 тыс. чел. обоого пола. Следует заметить, что исследователь в своих подсчетах учел 12 000 чел. мужского пола христиан, которые, по его мнению, оставались проживать в 3 782 «домах» в 58 крымских деревнях [29, с. 16]. Но согласно опубликованной Ф. Ф. Лашковым ведомости из реестра Игельстрома [16, № 7, с. 26–32; 15, с. 105–110] и дополнению к ней [16, № 7, с. 42–43; 15, с. 118–119], всего домов, оставшихся от христиан, было зафиксировано 4 087 (3 782 учтенных в основной ведомости и 305 в дополнительной), при этом оставалось неизвестным

целыми или разоренными были эти постройки. К тому же, в основной ведомости (где было учтено 3782 дома/двора) недвусмысленно указывалось, что там были зафиксированы данные об «оставшихся после христиан» деревнях, то есть покинутых христианским населением, и часть «домов» в этих селениях (1042) была продана татарам, которые «без сомнения» теперь там живут [16, № 7, с. 26, 32; 15, с. 105, 110]. Полученное примерное количество татарского населения в этих домах – 3 126 чел. мужского пола было учтено в итоговом подсчете Игельстрома. Но А. А. Скальковский на это не обратил внимания, и к общему количеству крымских жителей, зафиксированных в ведомостях Игельстрома, ошибочно прибавлял еще 12 000 христиан мужского пола, по факту, отсутствовавших в Крыму. Если же из общих подсчетов А. А. Скальковского вычесть эти условные 12 000 мужчин-христиан (или примерно 24 000 чел. обоего пола), то его данные (140 000 – 24 000 = 116 000), в целом, будут совпадать с цифрой (115 034 чел. обоего пола), которая приведена в публикациях Ф. Ф. Лашкова и А. И. Маркевича.

Все подобные интерпретации в значительной степени усложнили восприятие и без того непростого для анализа источника, каким является т.н. «Камеральное описание Крыма». Как видно из алгоритма сбора данных о населении полуострова и последующей методологии вычисления количества жителей, полученные сведения были весьма относительны и скорее занижены, на что указывали еще первые исследователи [см.: 18, с. 159; 19, с. 379]. Тем не менее, вряд ли реальная величина существенно отличалась от результатов «Камерального описания», в особенности, если взглянуть на последующие более точные подсчеты.

Статистика конца XVIII – первой половины XIX вв. Через 10 лет после статистического обследования Игельстрома российской администрацией была предпринята новая масштабная попытка учета населения полуострова [2, с. 79]. Данные переписи 1793 г. впервые опубликовал П. С. Паллас в своих «Наблюдениях». По сообщению академика, население края в этом году составляло 157 133 чел. (85 805 мужского пола и 71 328 женского пола)³ [24, с. 147]. Согласно же сведениям, основанным на сохранившихся архивных документах и опубликованным В. М. Кабузаном, **в Крыму в 1793 г. проживало 127,8 тыс. чел., из них 112,2 тыс. крымских татар** [2, с. 90, 121]. Разница с показателями Палласа объясняется тем, что немецкий естествоиспытатель приводил данные, полученные «на всем пространстве Тавриды, образовавшей губернию» [24, с. 147], то есть по всей Таврической области, включая материковую часть, в то время как у В. М. Кабузана выборка только по крымским уездам. Судя по абсолютному цифровому соответствию, Паллас использовал материалы из «Ведомости», подготовленной в 1792 г. правителем Таврической области С. С. Жегулиным для Екатерины II, в которой помимо информации о количестве домашнего скота, дворов, мельниц, мечетей и церквей в Таврической области, также была включена поуездная роспись населения, проживавшего в сельской местности

³ В оригинале – 157 135. Но это опечатка, последняя цифра не 5, а 3, т.к. именно это число получается при суммировании указанного количества мужского и женского населения.

и городах региона [РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Л. 17об.–18; См.: 56]⁴. Эта же ведомость была использована и В. М. Кабузаном.

Важно обратить внимание на другое обстоятельство в статистике, опубликованной Палласом. В расшифровке данных переписи 1793 г., которую он приводил в своей книге после общей информации о жителях Таврической области, допущена большая неточность. В разделе «татар-земледельцев» (основное население Крыма в этот период) число мужчин указано в количестве 48 484 чел., а женщин – 99 280 чел. [24, с. 147–148]. Это очевидная ошибка. Количество женщин радикально завышено. По всем статистическим данным этого периода женский состав не превышал по численности мужской, тем более в два раза. В результате этой неточности общее количество населения в таблице составляет не упомянутые Палласом изначально 157 133 чел., а 205 617 чел. Причем любопытно, что разница между этими обобщенными данными составляет 48 484 чел. То есть, ровно то число, которое значится за татарами-земледельцами мужского пола в таблице. Таким образом, данное значение зачем-то дополнительно прибавили к женскому составу указанной категории населения. Без этой прибавки количество татарских крестьянок должно было бы составить 50 796 чел.

Следует также подчеркнуть, что отмеченная ошибка изначально присутствовала в западных изданиях «Наблюдений» Палласа [49, с. 346–347; 50, р. 376–377; 51, р. 343–344]. Более того, в парижском издании 1805 г. было вовсе изъято первое корректное упоминание о количестве населения Таврической области и акцентировано указано и в тексте, предворяющем таблицу, и в самой таблице, что в результате переписи 1793 г. «на всей территории Тавриды ... было обнаружено только 83 493 мужчин и 122 124 женщин; всего 205 617 человек всех возрастов...» [50, р. 376]. Русский перевод данной части работы Палласа был издан только в 1999 г., но там также никаких исправлений или редакторских комментариев по поводу неточности количественных показателей о населении сделано не было [24, с. 147–148].

Неточные данные из книги Палласа впоследствии были растиражированы в работах отечественных специалистов. Сначала А. А. Скальковский опубликовал означенную расшифровку в виде таблицы с итоговым подсчетом населения в числе 205 617 душ. Причем отдельно посчитал и мусульманских жителей, которых с учетом завышенного количества женщин оказалось 161 347 чел. обоего пола [27, с. 221]. Затем и А. И. Маркевич в вышеупомянутой работе отметил, что «по первой переписи 1793 г. всего населения в Крыму было 205 617 д. об. п.» [19, с. 388]. В данном случае исследователь, помимо дублирования ошибочных показателей Палласа, по какой-то причине ограничил территорию расселения жителей одним Крымом, хотя,

⁴Заметим, что исходя из данных этой описи о мужском населении (85 805 чел.) и общем числе «дворов» (27 662) в Таврической области, среднее количество жителей мужского пола в одном дворе составляло около 3-х человек. То есть именно то количество, из которого исходили при подсчете крымских жителей в «Камеральном описании», что только подтверждает корректность данных, зафиксированных в ведомостях Игельстрома.

как было замечено выше, это неверно, и указанное количество относилось также и к материковым уездам Таврической области. Далее, с учетом авторитета Палласа и последователей, неправильные показатели перекочевали и в другие солидные исследования (например, в книгу А. Фишера [41, р. 79–80]), а также научно-популярную литературу. Более того, в недавно изданной «Истории Крыма» упомянутое у Палласа ошибочное количество жителей (205 617 чел.) и вовсе посчитали теми, кто «Крым оставил» [10, с. 275].

Первые полные официальные статистические сведения с учетом как податной, так и неподатной категорий населения Крыма в составе Российской империи были получены после проведения 5-й общероссийской ревизии, ставшей первой для жителей полуострова. Согласно этим данным **в Крыму в 1795 г. насчитывалось 156,4 тыс. чел. обоого пола всех категорий населения.** Доля татар составляла 87,6% или **137 тыс. чел.** [2, с. 90, 121–122]. Данные 5-й ревизии по региону частично были опубликованы еще Ф. Ф. Лашковым, по этим сведениям в крымских уездах Таврической области числилось 72 464 чел. мужского пола [17, с. 52; 19, с. 388], во всей Таврической области – 99 195 чел. мужского пола [17, с. 52; 18, с. 160].

Опубликованная информация о населении Крыма в начале XIX века достаточно противоречива, что имеет свое объяснение. Таврическая область после административной реформы Павла I стала частью огромной Новороссийской губернии. Непосредственно в Крыму находился Акмечетский уезд, а часть северного Крыма вместе с частью материковой территории образовали Перекопский уезд. Исследователи, публиковавшие данные о населении полуострова, не учитывали данное обстоятельство и автоматически статистику о населении Акмечетского и Перекопского уездов считали исключительно «крымской», хотя, как было сказано, значительная часть Перекопского уезда являлась внешней, некрымской территорией [см.: 1, л. 38; 7, с. 200–201, карта № 3]. Так, А. И. Маркевич приводил общие данные из ведомостей, составленных Новороссийской казенной палатой для землеустроительной комиссии 1802 г., согласно которым «в Акмечетском и Перекопском уездах, на которые делился тогда Крым» проживало 100 446 чел. [19, с. 388]⁵.

Это количество, в целом, подтверждается сведениями по налогообложению, в соответствии с которыми в Перекопском и Акмечетском уездах **в 1801 г.** проживало 96 494 чел. мужского пола податного и неподатного состояния (кроме дворян и чиновников). Среди них **крымских татар – 69 821 чел. мужского пола** [РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 5. Л. 3об.–7]. Еще 7 883 «поселян магометанского закона» прожива-

⁵ Таковую же цифру см. у Ф. Ф. Лашкова [17, с. 53; 18, с. 168–169]. Из его публикаций можно понять, что речь идет об общем количестве жителей обоих полов, что очевидно не так. Даже из частично опубликованной самим Ф. Ф. Лашковым ведомости 1802 г. [18, с. 162–168] видно, что данные в ней только о мужском населении. Кроме того, исследователь зачем-то сравнивал результаты ведомостей 1802 г. (как он считал, общего, с учетом женщин, населения в количестве 100 446 чел.) с показаниями 5-й ревизии 1795 г. (99 195 чел.), где зафиксировано мужское население, и получал разницу в 1251 чел. [18, с. 169]. Таким образом видно, что Ф. Ф. Лашков путался в собственных данных и показания ведомостей 1802 г. о мужском населении ошибочно считал относящимися к обоим полам.

ло в Мариупольском уезде [Там же. Л. Зоб.–4]. В данном случае, по-видимому, были учтены ногайцы, проживавшие на Молочных Водах [см.: 6, с. 113]. П. И. Сумароков, в качестве крымского чиновника имевший доступ к официальным документам, в своих «Досугах» приводит детальную роспись жителей полуострова (очевидно, двух условно «крымских» уездов обширной Новороссийской губернии) в начале XIX в., которая также согласуется с вышеприведенными данными. По данным этой росписи на указанной территории проживало 187 977 чел. (97 992 мужского пола и 89 985 женского пола), среди которых **татары-поселяне и мусульманское духовенство** (категории, которые были учтены в налоговой ведомости 1801 г. (см. выше)) насчитывали **70 635 чел. мужского пола** [31, с. 159].

Подробное исследование о количестве населения Таврической губернии в первые годы ее формирования провел один из основателей российской государственной статистики, ученый-демограф и современник рассматриваемой эпохи К. Ф. Герман. По его данным, в Таврической губернии в 1804 г. проживало 191 470 чел. (102 826 м.п. и 88 644 ж.п.), в 1805 г. – 213 530 чел. (109 256 м.п. и 103 274 ж.п.) [4, с. 193], в 1806 г. – 200 085 чел. (108 187 м.п. и 91 898 ж.п.) [4, с. 193; см. также: 19, с. 389]. В 4-х крымских уездах в 1804 г. проживало 137 182 чел. (71 999 м.п. и 65 183 ж.п.), в 1805 г. – 138 182 чел. (72 646 м.п. и 65 536 ж.п.) [4, с. 193]. Следует заметить, что эта же информация, с небольшими уточнениями, приведена в опубликованной в 2019 г. двухтомной обобщающей монографии «История Крыма» в разделе о населении полуострова, но со ссылками на РГВИА [10, с. 275–276]. Крымских татар во всей Таврической губернии по расчетам К. Ф. Германа в эти же годы проживало **около 95 000 чел. мужского пола** [4, с. 209]. Согласно же ведомостям, опубликованным Ф. Ф. Лашковым, в Крыму в сельской местности в 1805 г. проживало более 130 000 татар обоего пола без учета мурз и городских жителей [17, с. 84–154].

В соответствии с последующими, более надежными сведениями, собранными в результате общеимперских ревизий и из других источников, и обобщенных в коллективной монографии «Население Крыма в конце XVIII – начале XIX вв.», в 1816 г. в Крыму проживало уже 212,6 тыс. чел., в том числе **182,7 тыс. татар** (85,9% от общего числа [2, с. 123], из которых 116 936 м.п. [РГИА. Ф. 1152. Оп. 1, 1827 г. Д. 114. Л. 2]). В 1835 г. 279,4 тыс. чел., включая **233,3 тыс. татар** (83,5 %) [2, с. 124]. В 1850 г. всего 343,5 тыс. чел. и **267,4 тыс. татар** (77,8%), соответственно [там же].

Общие выводы. В целом видно, что население Крыма, начиная с 1783 г., стабильно увеличивалось, причем количество крымских татар в абсолютных величинах к 1850 г. выросло более чем вдвое. Такая позитивная динамика мусульманских жителей обеспечивалась, в первую очередь, за счет высокого естественного прироста, который, помимо высокой рождаемости, достигался также благодаря низкой, в сравнении с соседними российскими территориями, детской смертности [2, с. 91–92]. В процентном соотношении крымские татары в середине XIX в., по-прежнему, составляли абсолютное большинство населения. Тем не менее, доля их постепенно снижалась в сопоставлении с немусульманскими жителями, что объяснялось не

столько опережающим естественным приростом последних, а скорее постоянным притоком мигрантов, которых российское правительство стимулировало к переселению в Крым разнообразными государственными программами.

Акцентирование внимания на демографической динамике мусульманского населения Крыма, особенно на начальном этапе нахождения полуострова в составе Российской империи, важно в связи с рассмотрением проблемы т.н. первой волны крымско-татарской эмиграции. Еще современники событий, а затем и позднейшие исследователи неизменно отмечали значительный отток мусульманского населения Крыма в Турцию после 1783 г. Так, Паллас, упоминая переселение в 1778 г. 30 000 христиан из Крыма, отмечал, что «значительно более чувствительным» (т.е. более масштабным) стало переселение татар в Румелию и Анатолию «в промежуток между 1785 и 1788 годами» [24, с. 147]. А. А. Скальковский [27, с. 193] и Ф. Ф. Лашков [18, с. 160] сообщали, что Паллас насчитал около 80 000 татар, эмигрировавших в Турцию после 1783 г. А. И. Маркевич подтверждал это мнение собственными подсчетами, причем исходил из ошибочных завышенных показателей переписи 1793 г., которую к тому же относил исключительно к Крыму [19, с. 387–388]. Ф. Ф. Лашков доказывал массовую эмиграцию, некорректно оперируя данными землеустроительной комиссии 1802 г. [17, с. 52–53; 18, с. 168–169]. Следует заметить, что в опубликованных «Наблюдениях» Палласа упоминание о количественном значении татарских эмигрантов отсутствует. Еще одним современником эпохи, высказавшимся о числе татарских эмигрантов, стал П. И. Сумароков, который предположил, что после присоединения к Российской империи Крым покинуло более 300 тыс. крымских татар [31, с. 161].

Между тем, даже самый поверхностный анализ зафиксированных после 1783 г. данных о населении Крыма показывает, что эмиграция не могла иметь столь массовый характер. Как было показано выше, согласно данным Игельстрема, в 1783 г. в Крыму проживало около 115 000 чел., главным образом крымских татар. К 1795 г. количество населения составило уже 156,4 тыс. чел. (из них 137 тыс. крымских татар). В самом начале XIX в. крымских татар, по разным оценкам, насчитывалось от 70 до 95 тыс. чел. мужского пола, т.е. при минимальном значении – около 130–140 тыс. чел. обоего пола. К 1816 г. это количество увеличилось до 182,7 тыс. татар в Крыму. Поэтому даже 80 000 мигрантов не могли незаметно и неучтенно покинуть полуостров после 1783 г., тем более это относится к названным у П. А. Сумарокова 300 000 переселенцам.

Но это не означает, что массовой эмиграции не было. Масштабные демографические изменения, которые не фиксируются в первые десятилетия после присоединения Крыма к Российской империи, скорее всего, происходили ранее, в период неудачной для Турции и Крыма войны с Россией 1768–1774 гг., а затем во время независимого существования Крымского ханства в 1774–1783 гг. По наиболее взвешенным оценкам историков прошлых лет, а также современных исследователей, количество жителей Крымского ханства в заключительный период своего существо-

вания насчитывало от 300 до 450 тыс. чел. [см.: 33, с. 24; 18, с. 158–160; 19, с. 376–377; 2, с. 85–87, 120; 10, с. 273; 37, с. 69]. Столь внушительная разница в 200–300 тыс. чел., в сравнении с данными Игельстрема от 1783 г., очевидно, должна быть объяснена в первую очередь эмиграционными процессами. И действительно, как заметил В. М. Кабузан, турецкая статистика фиксирует, что на рубеже XVIII–XIX вв. на территории европейских владений Турции проживало до 250 тыс. выходцев из Крыма. По мнению исследователя, не менее 200 тыс. из них являлись эмигрантами «ханского» периода, к которым следует добавить порядка 30 000 христианского населения, переселенного из Крыма в Приазовье в 1778 г. [2, с. 86–87]. Промежуток между 1770 и 1784 гг. в качестве вероятного периода массового исхода 150–200 тыс. крымских татар в Турцию, со ссылкой на Ф. Ф. Лашкова, назван и у А. Фишера [40, с. 146], также и по мнению М. Козельски от 80 до 100 тыс. чел. эмигрировало в Анатолию во время русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) [44, с. 3–4].

Таким образом, наиболее точным и корректным будет относить первый эмиграционный поток к периоду до присоединения Крыма к России, когда внутренние междуусобицы в Крымском ханстве, спровоцированные российско-турецким соперничеством в регионе, вынуждали местное население массово покидать полуостров. У. Итон в 1781 г. отмечал, что 2/3 населения покинуло полуостров в предыдущие годы [34, с. 577]. Об этом же говорил В. Ф. Зуев в 1782 г. и описывал запустение, царившее в Крыму накануне присоединения [9, с. 272], которое было уже документально зафиксировано в т.н. «Камеральном описании» Игельстрема. Конечно, крымскотатарская эмиграция продолжилась и после 1783 г., но была менее масштабной, чем в предшествующие годы – 20–30 тыс. по оценке А. Фишера [41, р. 78; см. также: 29, с. 16; 2, с. 88]. Между тем, данные о массовом, восьмидесяти- и более тысячном исходе крымскотатарского населения из Крыма в первые десятилетия после присоединения к Российской империи стали своеобразным историографическим штампом [см.: 20, с. 334, 351; 23, с. 166–167; 42, с. 71; 47, р. 18; 46, р. 126–127; 43, р. 65–66; 38, с. 59–60; 45, с. 124; 55, р. 10; 14, с. 196], который, к сожалению, воспроизводится и в современной российской обобщающей исторической литературе [12, с. 276, 286; 21, с. 174–175; 10, с. 274–275; 11, с. 460].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Вильдбрехт А.] Российский атлас из сорока трех карт состоящий на сорок одну губернию Империи разделяющий / Сочинен А. Вильдбрехт. СПб.: Географический департамент, 1800. 42 л.
2. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав). М.: Издательский центр ИРИ РАН, 2003. 160 с.
3. Вологдин Б.П. К вопросу о численности населения в Крыму до завоевания его русскими // Общественно-научный и экскурсионный журнал «Крым». 1927. № 1(3). С. 104–105.
4. Герман К.Ф. Описание Таврической губернии // Статистический журнал. 1806. Т. 1. Ч. 2. С. 173–245.
5. [Гибаль П.] Обзорение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис Поля Гибаля, 1818–1819 / сост., предисл., коммент., пер. с фр. яз., указ. Т.П. Петерс. М.: Русский мир, 2017. 416 с.
6. Грибовский В.В. Ногайское казачье войско // Средневековые тюркско-татарские государства. 2016. № 8. С. 108–129.
7. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 279 с.
8. Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Т. 1. М.: Университет. типография, 1902. 376 с.
9. [Зув В.Ф.] Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма, 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. СПб.: Императорская Академия наук, 1790. Ч. 5. С. 265–303.
10. История Крыма: в 2-х т. / отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2019. Т. 2. 792 с.
11. История крымских татар: в 5-ти т. Т. III. Крымское ханство (XV–XVIII вв.). Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 1024 с.
12. История татар с древнейших времен: в 7-ми т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Фолиант, 2014. 1080 с.
13. Калашников В.М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой четверти XIX столетия). Днепрпетровск, 2013. 349 с.
14. Крим: шлях кризь віки. Історія у запитаннях і відповідях / Відп. ред. В.А. Смолій. Київ: Ін-т історії України, 2014. 456 с.
15. Лашков Ф.Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 91–156.
16. Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма 1784 года // ИТУАК. 1887. № 2. С. 22–30; 1888. № 3. С. 36–64; 1888. № 4. С. 32–45; 1888. № 6. С. 36–63; 1889. № 7. С. 25–45; 1889. № 8. С. 12–40.
17. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения // ИТУАК. 1896. № 24. С. 35–71.
18. Лашков Ф.Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX столетия // ИТУАК. 1916. № 53. С. 158–176.
19. Маркевич А.И. Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия Академии наук СССР. 1928. Отделение гуманитар. наук. Ч. I. С. 375–405.
20. Марков Е. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и истории. Изд. 2-е. СПб.: Тип. тов-ва М.О. Вольф, 1884. 594 с.
21. Непомнящий А.А., Калиновский В.В. Под скипетром России. Крым в конце XVIII – первой половине XIX века // История Крыма. М.: Олма Медиа Групп, 2015. С. 166–196.
22. Озенбашлы А. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар // Общественно-научный и экскурсионный журнал «Крым». 1926. № 2. С. 143–146.
23. Озенбашлы А.С. Трагедия Крыма: Воспоминания и документы / Переводчик К. Усеинов. Симферополь: Доля, 2007. 288 с.
24. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.
25. Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 год. Т. 1. Год 1769. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1866. 332 с.
26. Сейтяг'яев Н.С. До питання про чисельність мусульманського тюркського населення у Кримському ханстві наприкінці XVIII ст. // Східний світ. 2019. № 1. С. 53–72.

27. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823. Ч. 1. 1730–1796. Одесса: Городская типография, 1836. 290 с.
28. Скальковский А.А. Занятие Крыма в 1783 году. Материалы для истории Новороссийского края // Журнал Министерства народного просвещения. 1841. Ч. 30. С. 1–45.
29. Скальковский А.А. Занятие Крыма в 1783 году // Памятная книга Таврической губернии / под ред. К.В. Ханацкого. Вып. 1. Симферополь: Тип. Тавр. губ. правления, 1867. С. 1–39.
30. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса: Тип. А. Шульце, 1889. 252 с.
31. Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Суморокова. Ч. I. СПб.: Императорская Тип., 1803. 226 с.
32. Татарчевский А. Путешествие и деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 году // Университетские известия. Киев, 1873. № 10 (октябрь). Отд. 2. С. 1–24.
33. Тунманн. Крымское ханство / пер. с нем. Н.Л. Эрнста, С.Л. Белявской. Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1936. 107 с.
34. Храпунов Н.И. Уильям Итон и его описание Крыма накануне присоединения к России // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 560–588.
35. Храпунов Н.И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь: Альбатрос, 2022. 324 с.
36. Чудинов А.В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Материалы и исследования: Сборник памяти Г.С. Кучеренко. М.: РГГУ, 2001. С. 202–243. (Серия «История и память»).
37. Шейхумеров А.А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань, Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани, 2019. 304 с.
38. Çapraz H. XIX. Yüzyılda Çarlık Rusya'sının Kırım Politikası // Karadeniz Araştırmaları. 2006. Sayı 11. S. 57–70.
39. Eton W. A Survey of the Turkish Empire. London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. 516 p.
40. Fisher A. The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783. Cambridge: University Press, 1970. 126 p.
41. Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1978. 264 p.
42. Gözaydin E.F. Kırım: Kırım Türklerinin Yerleşme ve Göçmeleri. İstanbul: Vakıf matbaası, 1948. 111 s.
43. Karpat K.H. Ottoman Population, 1830–1914. Demographic and Social Characteristics. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 243 p.
44. Kozelsky M. Christianizing Crimea: shaping sacred space in the Russian Empire and beyond. Illinois: Northern Illinois University Press, DeKalb, 2010. 270 p.
45. Köse O. Rusya'nın Kırım ve Kafkasya'da Hristiyan Nüfuzu İskân Siyaseti (1770–1870) // 1864 Kafkas Tehciri: Kafkaslarda Rus Kolonizasyonu, Savaş ve Sürgün. İstanbul: BALKAR, 2014. S. 117–136.
46. Lazzarini Ed. The Crimea Under Russian Rule, 1783 to the Great Reforms // Russian Colonial Expansion to 1917 / Ed. M. Rywkin. London, New York: Mansell Publ., 1988. P. 123–138.
47. Lemercier-Quelquejay Ch. The Tatars of the Crimea: A Retrospective Summary // Central Asian Review. 1968. Vol. XVI, No 1. P. 15–25.
48. Özenbaşı A. Çarlık Hakimiyetinde Kırım Faciası Yahut Tatar Hicretleri. Akmescit, 1926. 119 s.
49. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in der Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig: G. Martini, 1801. [XXIV], 525 s.
50. Pallas P.S. Voyages entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'Empire de Russe, dans les annees 1793 et 1794 / Traduits de l'allemand. T. II. Paris: Deterville, Librairie Economique, 1805. 654 p.
51. Pallas P.S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the years 1793 and 1794. 2nd ed. Vol. II. London: John Stockdale, 1812. 523 p.
52. Peyssonnel de, Ch. Lettre de M. de Peyssonnel. Contenant quelques Observations relatives aux Memories qui ont paru sous le nom de M. le Baron de Tott. Amsterdam, 1785. 131 p.
53. Tott de, F. Memoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares. Pt. 2. Amsterdam, 1784. 302 p.
54. Tott de, F. Memoirs of baron de Tott. Containing the State of the Turkish Empire and the Crimea, during

the late War with Russia. The Second Edition. To which are subjoined, the Strictures of M. de Peyssonnel. Vol. II. London: G.G.J. and J. Robinson, 1786. 236 p.

55. Williams B.G. The Crimean Tatars. From Soviet Genocide to Putins Conquest. New York: Oxford University Press, 2016. 217 p.
56. Крым в истории России. Интернет-проект / сост. Н. Ю. Болотина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://krym.rusarchives.ru/dokumenty/vedomost-o-kolichestve-dvorov-melnic-chisle-zhiteley-i-domashnego-skota-v-gorodah-i-uezdah>

REFERENCES

1. [Vil'dbrekht A.] *Rossiiskii atlas iz soroka trekh kart sostoiashchii na sorok odnu guberniiu Imperiiu razdeliaushchii* [Russian atlas of forty-three maps, dividing the Empire into forty-one provinces]. St Petersburg, Geograficheskii departament Publ., 1800, 42 p.
2. Vodarskii Ia.E., Eliseeva O.I., Kabuzan V.M. *Naselenie Kryma v kontse XVIII – kontse XX vekov (Chislennost', razmeshchenie, etnicheskii sostav)* [The population of Crimea in the late 18th - late 20th centuries (number, distribution, ethnic composition)]. Moscow, Institute of Russian History RAS Publ., 2003, 160 p.
3. Vologdin B.P. On the question of the population in the Crimea before its conquest by the Russians. *Obshchestvenno-nauchnyi i ekskursionnyi zhurnal «Krym»* [Socio-scientific and excursion journal “Crimea”], Simferopol, 1927, No. 1(3), pp. 104–105.
4. German K.F. Description of the Taurida province. *Statisticheskii zhurnal* [Statistical journal], St Petersburg, 1806, vol. 1, pt. 2, pp. 173–245.
5. *Obozrenie Kryma, Novorossii i Kavkaza v dnevnike puteshestviia iz Odessy v Tiflis Polia Gibalia, 1818–1819* [Review of the Crimea, New Russia and the Caucasus in the diary of a journey from Odessa to Tiflis by Paul Guibal, 1818–1819]. Moscow, Russkii mir Publ., 2017, 416 p.
6. Gribovskii V.V. Nogai Cossack army. *Srednevekovye tiurksko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States], Kazan, 2016, No. 8, pp. 108–129.
7. Druzhinina E.I. *Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg.* [Northern Black Sea region in 1775–1800]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, 279 p.
8. Den V.E. *Naselenie Rossii po piatoi revizii* [The population of Russia according to the fifth revision]. Vol. 1. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1902, 376 p.
9. Zuev V.F. Extract from the travel notes of Vasily Zuev, relating to the Crimean peninsula, 1782. *Sobranie sochinenii, vybrannykh iz Mesiatseslovov na raznye gody* [Collected works selected from Monthly books for different years], St Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1790, pt. 5, pp. 265–303.
10. Iurasov A.V. (Ed.). *Istoriia Kryma* [History of Crimea]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019, Vol. 2, 792 p.
11. *Istoriia krymskikh tatar. T. III. Krymskoe khanstvo (XV–XVIII vv.)* [History of the Crimean Tatars. Vol. 3. Crimean Khanate (15th–18th centuries)]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of AS RT Publ., 2021, 1024 p.
12. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen. T. IV. Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv.* [The history of the Tatars from ancient times. Vol. 4. Tatar states of the 15th–18th centuries]. Kazan, Foliant Publ., 2014, 1080 p.
13. Kalashnikov V.M. *Britanskii vzgliad na Krym (khroniki, memuary, dnevniki XVII – pervoi chetverti XIX stoletii)* [British view of the Crimea (chronicles, memoirs, diaries of the 17th – first quarter of the 19th century)]. Dnepropetrovsk, 2013, 349 p.
14. *Krim: shliakh kriz' viki. Istoriia u zapitanniakh i vidpovidiakh* [Crimea: the way through the centuries. History in questions and answers]. Kiev, Institute of History of Ukraine Publ., 2014, 456 p.
15. Lashkov F.F. Statistical information about the Crimea reported by the Kaimakans in 1783. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1886, vol. 14, pp. 91–156.
16. Lashkov F.F. Cameral description of the Crimea in 1784. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komisii* [Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission], Simferopol, 1887, No. 2, pp. 22–30; 1888, No. 3, pp. 36–64; 1888, No. 4, pp. 32–45; 1888, No. 6, pp. 36–63; 1889, No. 7, pp. 25–45; 1889, No. 8, pp. 12–40.

17. Lashkov F.F. Historical sketch of the Crimean Tatar land tenure. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission], Simferopol, 1896, No. 24, pp. 35–71.
18. Lashkov F.F. To the question of the population of the Taurida province at the beginning of the 19th century. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission], Simferopol, 1916, No. 53, pp. 158–176.
19. Markevich A.I. The resettlement of the Crimean Tatars to Turkey in connection with the movement of the population in the Crimea. *Izvestiia Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR], 1928, Department of Humanities 6, pt. I, pp. 375–405.
20. Markov E. *Ocherki Kryma. Kartiny krymskoi zhizni, prirody i istorii* [Essays on Crimea. Pictures of Crimean life, nature and history]. St Petersburg, Vol'f Publ., 1884, 594 p.
21. Nepomniashchii A.A., Kalinovskii V.V. Under the scepter of Russia. Crimea at the end of the 18th – the first half of the 19th century. *Istoriia Kryma* [History of Crimea], Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2015, pp. 166–196.
22. Ozenbashly A. The role of the tsarist government in the emigration of the Crimean Tatars. *Obshchestvenno-nauchnyi i ekskursionnyi zhurnal «Krym»* [Socio-scientific and excursion journal “Crimea”], Simferopol, 1926, No. 2, pp. 143–146.
23. Ozenbashly A.S. *Tragediia Kryma: Vospominaniia i dokumenty* [The Tragedy of Crimea: Memoirs and Documents]. Simferopol, Dolia Publ., 2007, 288 p.
24. Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations made during a trip to the southern governorships of the Russian state in 1793–1794]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
25. Petrov A. *Voina Rossii s Turtsiei i pol'skimi konfederatami. 1769–1774 god. T. I. God 1769* [Russia's war with Turkey and the Polish confederates. 1769–1774. Vol. 1. Year 1769]. St Petersburg, Veimar Publ., 1866, 332 p.
26. Seitiag'iaev N.S. To the question about the size of the Muslim Turkic population in the Crimean Khanate at the end of the 18th century. *Skhidnii svit* [Oriental World], Kiev, 2019, No. 1, pp. 53–72.
27. Skal'kovskii A.A. *Khronologicheskoe obozrenie istorii Novorossiiskogo kraia. 1730–1823. T. I. 1730–1796* [Chronological review of the history of the Novorossiysk Territory. 1730–1823. Vol. 1. 1730–1796]. Odessa, Gorodskaiia tipografiia Publ., 1836, 290 p.
28. Skal'kovskii A.A. Occupation of the Crimea in 1783. Materials for the history of the Novorossiysk Territory. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of National Education], 1841, pt. 30, pp. 1–45.
29. Skal'kovskii A.A. Occupation of the Crimea in 1783. *Pamiatnaia kniga Tavricheskoi gubernii* [Memorable book of the Taurida province], Simferopol, Tavricheskoe gubernskoe pravleniie Publ., 1867, vol. 1, pp. 1–39.
30. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty v XVIII stoletii* [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte in the 18th century]. Odessa, Shul'tse Publ., 1889, 252 p.
31. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu Pavla Sumorokova* [Leisure activities of the Crimean judge or the second trip to Taurida by Pavel Sumorokov]. Pt. I. St Petersburg: Imperatorskaia tipografiia Publ., 1803, 226 p.
32. Tatarchevskii A. Travel and activities of Baron Tott as consul in the Crimea in 1767. *Universitetskie izvestiia* [University news], Kiev, 1873, No. 10, pt. 2, pp. 1–24.
33. Tunmann. *Krymskoe khanstvo* [Crimean Khanate]. Simferopol, Gosizdat Krymskoi ASSR Publ., 1936, 107 p.
34. Khrapunov N.I. William Eton and His Account of the Crimea on the Eve of Its Unification with Russia. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 560–588.
35. Khrapunov N.I. *Angliiskie puteshestvenniki i Krym. Konets XVIII – pervaiia tret' XIX v.* [English travelers and Crimea. Late 18th – first third of the 19th century]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2022, 324 p.
36. Chudinov A.V. French agents on the situation in the Crimea on the eve of the Russian-Turkish war of 1787–1791. *Russko-frantsuzskie kul'turnye sviazi v epokhu Prosveshcheniia: Materialy i issledovaniia: Sbornik pamiati G.S. Kucherenko* [Russian-French cultural relations in the Age of Enlightenment: Mate-

- rials and research: Collection of memory of G.S. Kucherenko], Moscow, RGGU Publ., 2001, pp. 202–243.
37. Sheikhumero A.A. *Armiia Krymskogo khanstva: organizatsiia i taktika (XV–XVIII vv.)* [Army of the Crimean Khanate: organization and tactics (15th–18th centuries)]. Kazan, Simferopol, Sh. Marjani Institute of History of AS RT Publ., 2019, 304 p.
 38. Çapraz H. XIX. Yüzyılda Çarlık Rusya'sının Kırım Politikası. *Karadeniz Arařtırmaları*, 2006, sayı 11, s. 57–70.
 39. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. London, T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798, 516 p.
 40. Fisher A. *The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783*. Cambridge, University Press, 1970, 126 p.
 41. Fisher A. *The Crimean Tatars*. Stanford, Calif., Hoover Institution Press, 1978, 264 p.
 42. Gözaydin E.F. *Kırım: Kırım Türklerinin Yerleşme ve Göçmeleri*. Istanbul, Vakit matbaası, 1948, 111 s.
 43. Karpat K.H. *Ottoman Population, 1830–1914. Demographic and Social Characteristics*. Madison, University of Wisconsin Press, 1985, 243 p.
 44. Kozelsky M. *Christianizing Crimea: shaping sacred space in the Russian Empire and beyond*. Illinois, Northern Illinois University Press, DeKalb, 2010, 270 p.
 45. Köse O. Rusya'nın Kırım ve Kafkasya'da Hristiyan Nüfuzu İskân Siyaseti (1770–1870). *1864 Kafkas Tehciri: Kafkaslarda Rus Kolonizasyonu, Savaş ve Sürgün*. Istanbul, BALKAR, 2014, s. 117–136.
 46. Lazzerini Ed. The Crimea Under Russian Rule, 1783 to the Great Reforms. Rywkin M. (Ed.), *Russian Colonial Expansion to 1917*, London, New York, Mansell Publ., 1988, pp. 123–138.
 47. Lemerrier-Quellejay Ch. The Tatars of the Crimea: A Retrospective Summary. *Central Asian Review*, 1968, vol. XVI, No. 1, pp. 15–25.
 48. Özenbaşı A. *Çarlık Hakimiyetinde Kırım Faciası Yahut Tatar Hicretleri*. Akmesit, 1926, 119 s.
 49. Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in der Jahren 1793 und 1794*. Bd. 2. Leipzig, G. Martini, 1801, [XXIV], 525 s.
 50. Pallas P.S. *Voyages entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'Empire de Russe, dans les annees 1793 et 1794*. T. II. Paris, Deterville, Librairie Economique, 1805, 654 p.
 51. Pallas P. S. *Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the years 1793 and 1794*. 2nd ed. Vol. II. London, John Stockdale, 1812, 523 p.
 52. Peyssonnel de, Ch. *Lettre de M. de Peyssonnel. Contenant quelques Observations relatives aux Memoires qui ont paru sous le nom de M. le Baron de Tott*. Amsterdam, 1785, 131 p.
 53. Tott de, F. *Memoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares*. Pt. 2. Amsterdam, 1784, 302 p.
 54. Tott de, F. *Memoirs of baron de Tott. Containing the State of the Turkish Empire and the Crimea, during the late War with Russia*. 2nd ed. To which are subjoined, the Strictures of M. de Peyssonnel. Vol. II, London, G.G.J. and J. Robinson, 1786, 236 p.
 55. Williams B.G. *The Crimean Tatars. From Soviet Genocide to Putins Conquest*. New York, Oxford University Press, 2016, 217 p.
 56. *Krym v istorii Rossii. Internet-proekt* [Crimea in the history of Russia. Internet project]. URL: <https://krym.rusarchives.ru/dokumenty/vedomost-o-kolichestve-dvorov-melnic-chisle-zhiteley-i-domashnego-skota-v-gorodah-i-uezdah>.

Информация об авторе

Конкин Д. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAC-3468-2019.

Author information

Konkin D. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: AAC-3468-2019.